

Валентина Голубовская

Лишь одни созвездья Магадана...

Из Москвы нам прислали книгу Петра Вайля «Стихи про меня». Книга пришла к нам уже после кончины ее автора, передачи которого на радио «Свобода» мы когда-то слушали и книги которого с интересом читали...

Петр Вайль выбрал пятьдесят пять любимых стихотворений русских поэтов XX – начала XXI века, написав к ним свои, порой едкие и ироничные, порой печальные, а то и парадоксальные комментарии, воспоминания, размышления. Можно было бы спорить о выборе тех или иных стихотворений, не соглашаться с какими-то комментариями. Но автора уже нет. Книга очень личная, даже пристрастная, и названа ясно и точно – «Стихи про меня»...

Среди многих любимых мною поэтов и стихов почему-то я, вначале к собственному удивлению, задержалась на одном из трех стихотворений Николая Заболоцкого в книге Петра Вайля – «Где-то в поле возле Магадана...».

Я открыла для себя Николая Заболоцкого более чем полвека назад, когда прочла маленький синий томик, вышедший в серии «Библиотека советской поэзии». Многие стихи из этого сборника запомнились навсегда.

Через два года я уже читала «Столбцы» Заболоцкого из библиотеки моего будущего мужа.

Став преподавателем, говоря со своими студентами об итальянском искусстве, говоря о Джотто и Данте, иногда читала им «Равенну» Блока, а иногда стихотворение Заболоцкого «У гробницы Данте» – «Мне мачехой Флоренция была, я пожелал покоиться в Равенне»...

Но совершенно иным представился Николай Заболоцкий в шестидесятые годы, когда в альманахе «День поэзии» было напечатано стихотворение «Где-то в поле возле Магадана...».

Где-то в поле возле Магадана,
Посреди опасностей и бед,
В испареньях мерзлого тумана
Шли они за розвальнями вслед.
От солдат, от их луженых глоток,
От бандитов шайки воровской
Здесь спасали только околодок
Да наряды в город за мукой.
Вот они и шли в своих бушлатах –
Два несчастных русских старика,
Вспоминая о родимых хатах
И томясь о них издалека.
Вся душа у них перегорела
Вдалеке от близких и родных,
И усталость, сгорбившая тело,
В эту ночь снедала души их,
Жизнь над ними в образах природы
Чередою двигалась своей.
Только звезды, символы свободы,
Не смотрели больше на людей.
Дивная мистерия вселенной
Шла в театре северных светил,
Но огонь ее проникновенный
До людей уже не доходил.
Вкруг людей посвистывала вьюга,
Заметая мерзлые пеньки.
И на них, не глядя друг на друга,
Замерзая, сели старики.
Стали кони, кончилась работа,
Смертные доделались дела...
Обняла их сладкая дремота,
В дальний край, рыдая, повела.
Не нагонит больше их охрана,
Не достигнет лагерный конвой,

Лишь одни созвездья Магадана
Засверкают, став над головой.

Первое впечатление от этого стихотворения с его лагерной темой, особенно в те годы, было очень сильным. Я не забывала эти стихи, но нечасто к ним возвращалась, хоть помнила.

В книге Вайля я прочла их, словно заново, и поразились мно-
гому, на что прежде не обращала внимание. На многие странные
«сдвиги» в этом стихотворении.

Первое, на чем я споткнулась, – «шли они за розвальнями
вслед» – без конвоя, без охраны? Если так, почему шли, а не помес-
тились в розвальнях (с мукой или что там еще везли на тот раз)?

Потом зацепили строки, начиная с этой – «...В эту ночь снаде-
ла души их». Ночь?! Заключенные ночью, без охраны, предостав-
лены сами себе?

Но слова «Стали кони», напомнили что-то очень знакомое, но
в другом порядке поставленное. Вспомнила!

Стали кони. – Николай Заболоцкий.

Кони стали... – Александр Пушкин.

– Господи! – подумала я, – это же пушкинские «Бесы»!

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Еду, еду в чистом поле;
Колокольчик дин-дин-дин.
Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин!

«Эй, пошел, ямщик!» – «Нет мочи:
Коням, барин, тяжело,
Вьюга мне слипает очи,
Все дороги занесло;
Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.

Посмотри: вон, вон играет,
Дует, плюет на меня,
Вон – теперь в овраг толкает
Одичалого коня;
Там верстою небывалой
Он торчал передо мной,
Там сверкнул он искрой малой
И пропал во тьме пустой».

Мчатся тучи, вьются тучи,
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна
Сил нам нет кружиться доле;
Колокольчик вдруг умолк;
Кони стали... «Что там в поле?» –
«Кто их знает? пень иль волк?»

Вьюга злится, вьюга плачет,
Кони чуткие храпят,
Вот уж он далече скачет;
Лишь глаза во мгле горят;
Кони снова понеслися;
Колокольчик дин-дин-дин...
Вижу: духи собралися
Средь белеющих равнин.

Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре...
Сколько их? куда их гонят?
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине,
Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне...

Сколько совпадений в двух стихотворениях, сколько «странных сближений»!

Ночь, поле, вьюга, кони, пень и пеньки.

У Пушкина и у Заболоцкого – два героя: ящик и ездок («Коням, барин, тяжело» – «Два несчастных русских старика...»).

Начиная с пушкинских, «Бесы» русскую словесность не покинули. Как и не исчезли из отечественной истории.

Я продолжала читать все внимательнее Заболоцкого и с удивительным сходством деталей открыла для себя еще не менее удивительные несовпадения.

«Невидимкою луна» – ...«звезды, символы свободы».

«Мутно небо, ночь мутна» – «дивная мистерия вселенной шла в театре северных светил».

Пушкинское стихотворение полно звуков – человеческая речь, храп коней, плач вьюги, «дин-дин-дин» колокольчика, шорох «листьев в ноябре», бесы с их «визгом жалобным и воем»...

В пушкинских «Бесах» – кромешная кутерьма, завораживающее кружение бесконечных шипящих – ч, ш, щ, ж...

У Заболоцкого – «посвистывала вьюга» многочисленными свистящими «с», перекликающимися с колючим, все более нестерпимым «з», как ледяные иголки, пронизывающим все тело. И перегоревшие души.

И достигает трагической кульминации этот безжалостный звук в строфе:

Вкруг людей посвистывала вьюга,
Заметая мерзлые пеньки.
И на них, не глядя друг на друга,
Замерзая, сели старики.

Эти мерзлые пеньки – умерщвленные деревья, для пантеиста Заболоцкого – убитая топором природа.

Не «бушлат деревянный», а саван, сшитый из вьюги, не обшая яма, а пеньки стали местом ухода стариков «в дальний край», в свободу, из которой нет возвращения, в свободу навсегда. И «Лишь одни созвездья Магадана Засверкают, став над головой».

Кажется, что посвистывание вьюги – единственный звук в ледяном выморочном пространстве от далеких родимых хат до поля возле Магадана. Мертвое пространство. А жизнь только в недосыгаемой высоте – «Жизнь над ними в образах природы Чередую двигалась своей».

И еще одна особенность этого стихотворения.

Известно, что лагерная судьба Заболоцкого не была связана с Магаданом. По многочисленным воспоминаниям, Николай Алексеевич Заболоцкий не любил рассказывать о каторжных годах. Оставил только короткую и страшную «Историю моего заключения».

«Где-то в поле возле Магадана» меньше всего мне кажется стихотворением биографическим, и не кажется посвящением своим погибшим друзьям – в память о них он написал (одно из самых моих любимых стихотворений!) «В широких шляпах, длинных пиджаках, с тетрадами своих стихотворений...».

Это стихотворение о двух стариках из миллионов «Иванов Денисовичей», таких же стариков и молодых, мужчин и женщин.

У Пушкина – бесы мчатся «в беспредельной вышине».

У Заболоцкого – бесы на земле – солдаты с их лужеными глотками, бандиты шайки воровской, охрана, лагерный конвой и далее – везде.

Так услышала я трагический отклик на пушкинских «Бесов» и такое долгое пушкинское эхо в стихотворении Николая Заболоцкого...

